

УДК 97(470)

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА И ТЮРКО-ТАТАРСКИХ ХАНСТВ XVI–XVII ВВ. ГЛАЗАМИ ИНОСТРАННЫХ СОВРЕМЕННОКОВ

© 2015 г. Р.Ю. Почекаев

В статье предпринимается попытка охарактеризовать представления иностранных (западноевропейских) современников о политико-правовых отношениях Московского государства и тюрко-татарских ханств в XVI–XVII вв. В этот период большое количество иностранных дипломатов, путешественников, торговцев и авантюристов посетило Московское государство и сопредельные страны, большой интерес имели к этому региону также и ученые, лично не посещавшие его. Европейцев интересовали такие вопросы, как статус Московского государства после падения Золотой Орды, причины и ход присоединения им пост-ордынских государств, претензии того или иного тюрко-татарского государства на золотоордынское наследие и, соответственно, отражение их во взаимоотношениях Москвы с татарскими ханствами. Иностранцы вполне отдавали себе отчет, что московско-татарские отношения в рассматриваемый период не сводились исключительно к военным конфликтам, а носили комплексный характер, включая дипломатические, торговые, а время от времени – и союзные отношения. Кроме того, учитывали иностранные современники и «татарский фактор» внутренней политики Московского государства, в т.ч. политику в покоренных татарских «царствах», привлечение татар к военной службе, отношение к татарским «царевичам» при московском царском дворе, контакты русской и татарской знати. Сведения иностранцев о политико-правовых отношениях Москвы и татарских ханств далеко не все одинаково полны и объективны, что объясняется целями и задачами составления их записок. Однако даже самые «ангажированные» тексты представляют интерес и ценность для формирования представления о том, как Западная Европа воспринимала взаимоотношения на пост-ордынском пространстве.

Ключевые слова: Московское государство, Золотая Орда, тюрко-татарские государства, Казанское ханство, Астраханское ханство, Сибирское ханство, Крымское ханство, Ногайская Орда, политико-правовые отношения, иностранцы о России.

Формат отношений Московского государства с тюрко-татарскими ханствами после падения Золотой Орды и до провозглашения России империей в начале XVIII в. исследователи определяют по-разному. По мнению одних из них, Москва уже в первой половине XVI в. стала проявлять «имперские амбиции» и стремиться заместить распавшуюся Золотую Орду в качестве новой «евразийской империи» (см., напр.: Каррер д'Анкосс, 2010). Другие авторы придерживаются мнения, что в течение довольно длительного времени Московское государство являлось всего лишь одним из наследников Золотой Орды – наравне с пост-ордынскими джучидскими ханствами и действовало в рамках системы традиционных взаимоотношений этих государств (см., напр.: Рахимзянов, 2005; 2010; 2014).

Сделать однозначный вывод о характере взаимоотношений Москвы и тюрко-татарских ханств на основе сведений русских или татарских источников не представляется возможным: несомненно, каждая сторона старалась идеализировать представление о нем в свою пользу, нередко выдавая собственные политические амбиции за реальное положение дел. В связи с этим представляется интересным и целесообразным привлечь третью группу источников – сведения европейских современников (дипломатов, путешественников, ученых). Естественно, эти источники не могут в полной мере считаться «независимыми» и «объективными»: интерпретация иностранцами особенностей политико-правовых отношений Москвы и пост-ордынских государств зависела от их собственной политической позиции, индивидуальных особенностей (степень образованности, отношение к России и тюрко-татарским государствам), целей и задач составления ими своих отчетов и записок¹. Тем не менее, представляется, что материалы иностранных современников в значительной степени помогут сформировать представление о статусе Московского государства в отношении тюрко-

¹ Проблеме объективности сведений европейцев о России рассматриваемого периода посвящена сравнительно недавняя работа, вызывающая, впрочем, противоречивые оценки исследователей (Мединский, 2011).

татарских ханств, особенностях их политико-правовых отношений – так, как это виделось европейским современникам. Именно исходя из этих представлений, европейские монархи выстраивали свою политику по отношению и к России, и к тюрко-татарским государствам.

При проведении настоящего исследования были использованы труды европейских современников, в которых описываются отношения Москвы и тюрко-татарских ханств с начала XVI до конца XVII вв. Авторы этих текстов представляли разные государства (Англия, Нидерланды, Польско-Литовское государство, Священная Римская империя, Франция и др.) и имели различный статус, что существенно повлияло как на содержание их записок в целом, так и на трактовку московско-татарских отношений в современный им период.

Привлекаемые нами источники можно разделить на три группы.

Во-первых, записки дипломатов – руководителей и участников посольских миссий, посетивших Россию и / или тюрко-татарские государства и подготовивших по итогам своих поездок официальные отчеты для своих государей или правительств. Эти материалы наиболее формализованы и подробны и могут претендовать на объективность: ведь целью дипломатов в большинстве случаев было предоставление направившим их монархам реальных сведений о Московском государстве и его соседях.

Во-вторых, это записки (отчеты и мемуары) путешественников и авантюристов, с разными целями побывавших в России в рассматриваемый нами период. В отличие от официальных дипломатических отчетов, эти записки не претендуют на полноту и раскрытие всех аспектов московской политики (в т.ч. и в отношениях с тюрко-татарскими государствами). Авторы нередко высказывают весьма субъективные мнения, не совпадающие с официальными трактовками даже западных же дипломатов, обращают внимания на те аспекты русско-татарских отношений, которых в той или иной степени касались их лично и т.д. Тем не менее, их сведения также представляют значительный интерес, в т.ч. и на предмет сравнения с дипломатической отчетной документацией.

Наконец, в-третьих, к рассматриваемой нами группе источников относятся труды европейских современников, которые в большей степени были учеными, чем свидетелями русско-татарских отношений. Их сведения представляют интерес, поскольку отражают комплексное представление о Москве и ее отношениях с пост-ордынскими ханствами, получившее распространение в Европе, своего рода квинтэссенцию на основе сообщений двух вышеупомянутых групп иностранных современников, лично побывавших в России или тюрко-татарских государствах.

Сразу стоит отметить, что деление используемых нами источников на группы является условным. Ведь даже дипломаты и путешественники, лично побывавшие в Московском государстве или тюрко-татарских ханствах, использовали в своих записках дополнительные источники для исторических экскурсов или географических описаний посещенных ими стран – и в этом случае они выступали больше как ученые-исследователи, а не очевидцы событий. В свою очередь, и представители третьей группы, занимавшиеся написанием «теоретических» трудов, порой сами совершали поездки в Россию или даже жили в ней значительное время (как, например, Михалон Литвин или Юрий Крижанич) – в отличие от ряда других, писавших о России и тюрко-татарских государствах исключительно на основе сведений собственных информаторов (например, Алессандро Гваньини или Джон Мильтон). Таким образом, все три группы западноевропейских источников в какой-то мере дополняют друг друга, восполняя определенные пробелы или позволяя проверять и перепроверять сведения других источников.

Понять особенности московско-татарских политико-правовых отношений в XVI–XVII вв. в интерпретации иностранных современников невозможно без анализа предыстории этих отношений, т.е. периода пребывания русских земель под ордынским владычеством – естественно, опять же в том виде, в каком это представляли западные авторы. При анализе их записок по данному вопросу мы сталкиваемся с интересной особенностью, которую в какой-то степени можно соотносить с используемым Л.Н. Гумилевым понятием «абберация близости»²: являясь современниками именно Московского государства, большинство западных современников полагали, что именно это государство, т.е. Москва (а не Владимиро-Суздальская Русь или русские удельные княжества в целом) в течение нескольких веков пребывало под игом Золотой Орды (Московия, 1875, с. 18; Описание, 1877, с. 33–34; Начало и возвышение, 1877, с. 6). И если одни из них называют в качестве сюзерена «Заволж-

² Нам уже приходилось обращаться к этой особенности западной историографии при анализе иностранных сообщений о нашествии монголов на Русь в 1230–1240-х гг. (Почкаев, 2009, с. 273–275).

скую Орду», в общем-то, достаточно корректно соотнося ее с прежней Золотой Ордой (см., напр.: Михалон, 1994, с. 62), то некоторые полагают, что создателем Москвы в тот период являлось Крымское ханство (Маржерет, 2007, с. 117; Рейтенфельс, 1905, с. 53)! По-видимому, это делало более понятным для иностранцев то упорство, с которым крымские (или, как их нередко именовали, «перекопские») ханы старались представить московских государей своими вассалами и данниками (Начало и возвышение, 1877, с. 14, 29). Лишь отдельные авторы видят различие между русскими княжествами, по отдельности покоренными татарами (см., напр.: Начало и возвышение, 1877, с. 14, 29)³, и Московским государством, которое, окрепнув, сумело освободиться от зависимости, в которую попали ее предшественники (Путешествия, 1874, с. 105–106; Крижанич, 1965, с. 596).

Впрочем, говоря о событиях обретения Москвой независимости от татарских правителей, далеко не все европейские авторы готовы признавать освобождение от иностранного владычества заслугой именно московских государей. Отдельные авторы (Сигизмунд Герберштейн, Михалон Литвин) считают, что владычество татар над русскими пало благодаря литовцам и, в частности, великому князю Витовту (Герберштейн, 1988, с. 165; Михалон, 1994, с. 86–87). Другие считают, что решение сбросить иго было продиктовано Ивану III его второй супругой Софьей Палеолог (Московия, 1875, с. 19–20; Путешествие, 1874, с. 106). В славянской традиции, представленной сербским интеллектуалом Юрием Крижаничем, оказавшимся на русской службе (а затем – и в ссылке в Сибири) (Маркевич, 1876, с. 13–14, 23–24), победу Ивана III над золотоордынским ханом – равно как и последующее покорение Казанского, Астраханского и Сибирского ханств – объясняли божьей помощью, равно как и покорение русских княжеств в XIII в. – божьим наказанием за грехи (Крижанич, 1965, с. 619; ср.: Сказания, 1868, с. 28).

Собственно, присоединение тюрко-татарских ханств к Московскому государству Иваном Грозным иностранцы трактуют далеко не как проявление великодержавных амбиций царя, стремление занять опустевшее место властелина «евразийской империи». Напротив, в их интерпретации завоевание Казани и Астрахани, а затем и Сибири предстает едва ли не как спонтанные действия, а не продуманная стратегия. Английский купец на московской службе Энтони Дженкинсон главную заслугу Ивана Грозного в деле покорения Казанского и Астраханского ханств видит не в расширении территории России за счет татарских ханств и даже не в ликвидации угрозы с их стороны, а в том, что он отвоевал у татар Волгу, являющуюся столь важным торговым путем (Английские путешественники, 1937, с. 168).

Так, покорение Казани, по словам Сигизмунда Герберштейна, подчинилась еще Василию III, по воле которого на ее трон возводились ханы (Герберштейн, 1988, с. 170–171). Согласно Даниилу Принцу (побывал в Москве в 1576 и 1578 гг.), в те времена зависимость Казани ограничивалась уплатой дани в пользу Москвы, но постоянные антироссийские выступления местного населения заставили Ивана Грозного принять решительные меры и присоединить ханство к своим владениям окончательно (Начало и возвышение, 1877, с. 16; Масса, 1937, с. 22; Путешествие, 1874, с. 134).

Что касается Астраханского ханства, то его история, до сих пор сравнительно скудно освещенная (см.: Зайцев, 2006, с. 4 и след.), была довольно туманной и для почти что его западноевропейских современников, в результате чего до нас дошли практически противоположные их мнения о его судьбе. Так, согласно Даниилу Принцу, Астрахань, как и Казань, находилась в зависимости от Москвы и платила ей дань, но потом восстания местных правителей заставили Ивана Грозного присоединить его к Московскому государству (Начало и возвышение, 1877, с. 16). В записках же голландского купца Исаака Массы, жившего в Москве в первом десятилетии XVII в. Астраханское ханство описано как независимое государство, но после того, как ханом был избран Ямгурчи, Иван Грозный потребовал, чтобы тот признал себя вассалом московского царя, и оскорбительное обращение астраханцев с московским послом послужило поводом для завоевания ханства (Масса, 1937, с. 23–25).

А Сибирь, как сообщает посол Священной Римской империи Августин Майерберг (посетил Москву в 1661 г.) начал покорять еще Иван III, и его внук лишь довершил этот процесс (Путешествие, 1874, с. 135). Причем, как утверждал курляндец Яков Рейтенфельс (побывал в Москве в первой половине 1670-х гг.), Сибирь отнюдь не была завоевана: сибирские племена «подчинились царю

³ Мы используем этот этноним (или политоним), поскольку именно он фигурирует в абсолютном большинстве исследуемых нами источников.

не потому, что были покорены военной силой, но по убеждениям купцов и исключительно в надежде на выгоду в будущем от торговых сношений с москвитями» (Рейтенфельс, 1906, с. 202–203).

Нашла отражение в сообщениях иностранных современников и специфика международно-правового статуса Ногайской Орды – вернее, отдельных ногайских государствовподобных образований. Два «немецких опричника» Иоганн Таубе и Элерт Крузе сообщают, что еще в 1560-е гг. ногайцы были независимы и даже «в течение нескольких лет были очень сильны и могущественны, но благодаря такой же, как в России, тирании они были совсем обессилены» (Послание, 1922, с. 57). Энтони Дженкинсон пишет об исчезновении у ногайцев достаточного числа пастбищ, что, по его мнению, было на руку Московскому царству – как и последовавший мор, который заставил ногайцев искать помощи у московских пограничных властей, причем, по мнению англичанина, они в это время были как никогда близки даже к принятию христианства (Английские путешественники, 1937, с. 169, 171). Согласно французскому наемнику Гильому Левассёру де Боплану, служившему в Польше на протяжении 1620–1670-х гг., ногайцы в это время частично подчинялись Крымскому ханству, частично – Москве и частично были независимы (наиболее последовательно свою независимость отстаивала Буджакская Орда) (Боплан, 2004, с. 219, 241, 243). Особенность статуса ногайцев позволяла им выступать своеобразными посредниками между Московским царством и Крымским ханством – как отмечает, в частности, французский дипломат де Ла Невилль, побывавший в Москве под конец регентства царевны Софьи Алексеевны (Записки, 1891, с. 246).

При этом западные авторы отмечают своего рода геополитическое единство Казанского, Астраханского и Крымского ханств (см., напр.: Олеарий, 2003, с. 347). Согласно Генриху Штадену два последних ханства поддерживали Крым в противостоянии с Москвой (Генрих Штаден, 1925, с. 62). Отражены в записках иностранцев также и претензии крымских ханов на Казань и Астрахань после их присоединения к Московскому государству (Флетчер, 1906, с. 76).

Исходя из этого, иностранцам вполне логичным представлялось, что наследники Золотой Орды не признавали в Московском государе самостоятельного (и достаточно сильного) правителя. Соответственно, стремление Крымского ханства вплоть до начала XVIII в. видеть в Москве прежнего вассала представлялось иностранцам вполне понятным и обоснованным. Это выражалось, в частности, в непризнании крымским ханом царского титула московского государя и, соответственно, претензий на «братский» статус с самим ханом. Весьма красочное описание одного такого случая, касающегося московского посольства А.Ф. Нагого, представлено в анонимном «Истинно правдивом описании Московии»: «После того, как он (нижеупомянутый С. Швёлъ – Р.П.) побывал у татарского царя, туда прибыло московское посольство с великолепными подарками. Упомянутый татарский царь велел Симону Швёлю, посланнику польского короля, присутствовать при этом и заслушать московское посольство. Когда были зачитаны московитские грамоты, великий князь между прочим назвал татарского царя своим братом. Уже упомянутый татарин рассердился из-за этого и пришел в ярость, из-за чего стал дергать себя за бороду. Все-таки он принял подарки, присланные ему великим князем» (Каппелер, Скрынников 1999, с. 142)⁴. Об отказе крымских послов употреблять в отношении московского монарха титул «царь» упоминает и англичанин Джильс Флетчер (Флетчер, 1906, с. 24).

Также имели место случаи, когда крымские ханы отказывались признавать суверенитет русских монархов на новоприсоединенных владениях бывших Казанского и Астраханского ханств, рассматривая эти территории как собственные владения. Интересен случай, описанный «немцем-опричником» Генрихом Штаденом: на следующий год после сожжения Москвы Девлет-Гирей I предоставил крымским купцам грамоты, освобождающие их от уплаты пошлин на территории Казани и Астрахани (Генрих Штаден, 1925, с. 115)⁵. Нельзя также не вспомнить в связи с этим упоминание Андрея Курбского о том, что крымский хан запрещал московскому царю воевать с Казанью (Сказания, 1868, с. 12).

⁴ Отметим, что события имели за несколько месяцев до набега хана Девлет-Гирея I, завершившегося сожжением Москвы (см.: Виноградов, 2007, с. 186–192). Кроме того, негативное отношение крымского хана к русским послам было связано также и с тем, что в 1570 г. во время погрома Новгорода и Торжка опричниками Иван Грозный приказал расправиться с несколькими сотнями пленных татар, содержавшихся в Торжке (см.: Послание, 1922, с. 49; Каппелер, Скрынников, 1999, с. 136, 143).

⁵ Впрочем, как продолжает Штаден, крымский хан, по-видимому, переоценил степень антироссийских настроений в «царствах», поскольку купцы, ссылавшиеся на его грамоты, подверглись в обоих регионах ограблению.

Одним из наиболее болезненных вопросов для русско-татарских отношений и постоянным камнем преткновения в русско-крымских дипломатических отношениях являлся вопрос о систематических денежных выплатах Москвы в Крым. Естественно, каждая из сторон в московско-татарских отношениях старалась представить эти выплаты в выгодном для себя свете: московские власти и дипломаты говорили о «поминках», т.е. фактически подарках крымским ханам, представители же Крымского ханства – именно о дани со стороны нижестоящего монарха вышестоящему⁶. Казалось бы, сведения «нейтральных» западноевропейских авторов могут помочь внести ясность в этот вопрос. Однако и среди иностранных современников нет единодушия.

Одни европейские авторы, посетившие Москву или Крым даже во второй половине XVII в. – генуэзец Эгидио д'Асколли, англичанин граф Карлайл, голландец Кунраад Ван Кленк – однозначно говорят о выплате дани (Описание, 1879, с. 34; Описание, 1902, с. 115; Посольство, 1900, с. 494–495); также, например, Адам Олеарий упоминает, что не только Крым, но в свое время даже и Казань заставляла русских выплачивать эту дань (Олеарий, 2003, с. 318). Другие же авторы, в частности, Сигизмунд Герберштейн и Джером Горсей, говорят о подарках или «мзде», которая выплачивалась в качестве откупа для предупреждения крымских набегов на московские владения (Герберштейн, 1988, с. 183; Горсей, 1990, с. 91). На наш взгляд, столь различные трактовки московских выплат в Крым отражают сложность самого этого института, невозможность однозначно классифицировать его как дань или же как подарки, принятые в рамках дипломатического протокола. И это, в свою очередь, свидетельствует о том, что иностранные информаторы достаточно объективно отражали процессы взаимоотношений Московского царства и тюрко-татарских ханств.

Впрочем, цель московских денежных выплат – предупреждение крымских набегов на русские земли – отмечается представителями обеих точек зрения, которые также фиксируют, что даже выплаты «дани» или «поминков» далеко не всегда служили гарантией того, что татары не совершат очередной набег на московские владения. К тому же, как бы ни трактовали европейцы эти выплаты, для представителей московских властей они в любом случае являлись достаточно досадным пятном на международном статусе. Поэтому неудивительно, что одним из условий договора с Крымским ханством, который уже в 1689 г. пытался заключить князь В.В. Голицын по итогам своего второго похода в Крым, стала отмена дани, которую Москва уже несколько лет фактически и так не выплачивала. Однако, по всей видимости, для Крыма эта дань являлась своего рода делом престижа: как сообщает французский дипломат в России де Ла Невилль, хан не только отказался принять это требование, но и потребовал уплаты дани за последние три года (французский дипломат называет сумму во французском денежном эквиваленте – 240 000 экю) (Записки, 1891, с. 246–247).

Многие европейские авторы отмечают, что крымские набеги совершались едва ли не ежегодно, что свидетельствует о том, что эти походы далеко не всегда являлись «наказанием» московских правителей за отказ выплачивать дань. Некоторые западные авторы пишут и о других причинах нападения крымцев на русские земли. Так, например, англичане Энтони Дженкинсон в 1550-е гг., а затем и Джером Горсей в 1590-е гг. и голландец Исаак Масса в 1600-е гг. отмечали, что крымские войска совершают походы на русские владения по воле султана Османской империи (Английские путешественники, 1937, с. 170; Горсей, 1990, с. 106; Масса, 1937, с. 26; см. также: Флетчер, 1906, с. 79). Кроме того, тот же И. Масса сообщает, что в 1591 г. крымский хан Гази-Гирей II решил совершить набег специально для захвата пленников (Масса, 1937, с. 36).

Далеко не всегда Московское царство выступало «потерпевшей стороной» в отношениях с Крымом. Так, Лжедмитрий I в конце 1605 г. задумывал грандиозный поход, который должен был закончиться покорением Крымского ханства. Он отливал большое количество новых пушек, стягивал войска в крепости на южных границах царства, что даже заставило крымского хана поспешно покинуть Азов и уйти в Крым для принятия мер по организации обороны ханства (Масса, 1937, с. 52–53)⁷. Царь Алексей Михайлович под конец своего правления намеревался в союзе с Польшей действовать против крымско-османского блока: согласно его плану, московские войска должны были вторгнуться в Крым, чтобы не допустить участия войска хана в походе турок на Польшу.

⁶ Анализ источников и историографии этого вопроса уже был представлен нами в специальном исследовании (Почекаев, 2012).

⁷ Нельзя также не вспомнить сообщение Андрея Курбского о том, что перед началом Ливонской войны советники Ивана Грозного предлагали ему направить войска не в Ливонию, а в Крым, который в это время переживал очередной политический кризис. Однако царь ограничился посылкой туда лишь 5-тысячного отряда под командованием Дмитрия Вишневецкого (Сказания, 1868, с. 55–56).

Только смерть царя и вступление на престол юного Федора Алексеевича заставили царских советников отказаться от этого плана (Посольство, 1900, с. 429, прим на с. 513). Ну, и конечно, своеобразной попыткой «перехвата инициативы» у Крыма являются походы князя Василия Голицына на Крым, также совершенные по договоренности с Речью Посполитой и красочно описанные французским посланником де Ла Невиллем. Как видим, несмотря на определенную установку воспринимать Московское царство как все еще данника татар, далеко не все европейские авторы склонны были видеть в нем исключительно жертву татарских набегов!

Впрочем, взаимными набегами отношения Московского царства и тюрко-татарских государств отнюдь не ограничивались. Важной их составляющей являлась торговля, причем особый интерес для Московского царства представляла закупка лошадей. Так, Джильс Флетчер упоминает, что крымские татары ежегодно продавали москвичам 30–40 тысяч лошадей (Флетчер, 1906, с. 80). Также лошади в большом количестве закупались у ногайцев, для чего был создан даже специальный Конюшенный приказ (Михалон, 1994, с. 75; Маржерет, 2007, с. 140, 150; Главинич, 1875, с. 4; ср.: Петров, 2005, с. 59–60). Необходимость в закупке лошадей из татарских государств была связана с тем, что именно легкая конница могла эффективно противостоять татарским набегам на русские земли – о чем также писали иностранные современники (см.: Михалон, 1994, с. 75 и след.; Крижанич, 1965, с. 427, 429).

Естественно, торговля с татарскими государствами не ограничивалась покупкой лошадей для военных нужд. Ряд иностранцев сообщает о продаже татарам различных русских товаров – мехов, воска и т.п. Заслуживает внимания упоминание Алессандро Гваньини и о своего рода «контрабандной торговле»: москвичам было запрещено продавать в Крым оружие, железо и изделия из него (за исключением ножей, топоров, игл, зеркал), поэтому такие товары москвичи поставляли крымцам тайно (Александр Гваньини, 1997, с. 17). Легальная же торговля с татарами (равно как и рядом других народов и государств) – преимущественно в виде товарообмена (Александр Гваньини, 1997, с. 43; Рейтенфельс, 1906, с. 132) – осуществлялась в целом ряде городов и регионов Московского царства: в Угличе (Александр Гваньини, 1997, с. 43), Нижнем Новгороде (Статистико-географическое описание, 1836, с. 621), Астрахани (Посольство, 1900, с. 451) и даже под Архангельском (Московия, 1875, с. 2).

Вместе с тем, некоторые авторы отдавали себе отчет, что далеко не всегда торговля с татарами в собственных владениях была выгодной для Московского царства, однако наиболее важные торговые пути контролировались иностранными державами. В частности, Юрий Крижанич уже в середине XVII в. отмечал, что торговлю на Черном и Азовском морях контролировало Крымское ханство, а торговые пути к югу от Астрахани – ногайцы (Крижанич, 1965, с. 382). Неудивительно, что логическим выводом из своих наблюдений он видел завоевание Крыма Московским царством, что должно было иметь важные не только политические и военные, но и экономические последствия (см. подробнее: Бережков, 1891).

Помимо взаимных экономических интересов, в некоторых случаях иностранным современникам виделся весьма вероятным и союз Москвы с тем или иным тюрко-татарским государством. Так, «немцы-опричники» И. Таубе и Э. Крузе выражали беспокойство, что Москва может заключить союз с турками и крымскими татарами против Польши, Пруссии и прибалтийских владений: основанием для сближения может стать наличие большого числа татар в подданстве московского государя (т.е. населения бывших Казанского и Астраханского ханств) (Послание, 1922, с. 56–57). Согласно анонимному автору «Истинно правдивого описания Московии», ногайцы перед Ливонской войной предлагали Ивану Грозному 80 000 воинов для похода на Ливонию (Каппелер, Скрынников, 1999, с. 141). Борис Годунов, как сообщает Жак Маржерет, сразу после воцарения заключил мир с Крымом, чтобы продемонстрировать подданным свои дипломатические таланты (Маржерет, 2007, с. 127), а по сведениям Исаака Массы намеревался в случае опасности найти убежище именно у татар (неслучайно после смерти царя Бориса в Московском царстве стали распространяться слухи, что он не умер, а бежал «в Татарию») (Масса, 1937, с. 72–73, 108)⁸. Конрад Буссов упоминает о намерении Лжедмитрия II заключить союз с теми же турками и татарами (Конрад Буссов, 1998, с. 138). Привлекали внимание иностранцев также и приезды влиятельных представителей правящих родов тюрко-татарских ханств в Россию. Так, приезд мятежного крымского царевича

⁸ Поддержание Борисом Годуновым хороших отношений с татарскими государями впоследствии дало повод Лжедмитрию I обвинить его в измене Московскому царству (Масса, 1937, с. 106).

Мурад-Гирея к царю Федору Ивановичу с целью заручиться поддержкой Москвы в борьбе с дядей – крымским ханом Ислам-Гиреем II, неоднократно упоминается иностранными авторами (см., напр.: Груневег, 2013, с. 235; Московия, 1875, с. 24)⁹. О том, что татарские правители время от времени вовлекали русских и в собственные внутренние конфликты, писал и Юрий Крижанич (Крижанич, 1965, с. 496). В глазах иностранных современников Москва являлась своего рода «щитом» для Европы против татар, и тот факт, что Крымское ханство являлось его «самым страшным врагом» (Послание, 1922, с. 52), казалось бы, гарантировал безопасность европейских стран от татарских набегов. Однако, как видим, иностранные авторы вполне отдавали себе отчет о возможностях московских властей договориться с тюрко-татарскими государствами и тем самым развязать руки и им, и себе для враждебных действий против Польши, Пруссии и т.д.

Наконец, нельзя не сказать еще об одном аспекте взаимоотношений Москвы с постордынскими ханствами, отраженном в записках иностранных современников, пусть и довольно специфическом: речь идет о своего рода «татарском факторе» внутренней политики Московского царства.

Прежде всего, иностранцы довольно внимательно отслеживали политику московских властей относительно вновь присоединенных территорий Казанского и Астраханского ханств – ведь, как уже отмечалось выше, их население могло выступать своего рода связующим звеном между Москвой, с одной стороны, и Крымским ханством и Ногайской Ордой, с другой. С известным удовлетворением европейцы констатировали, что далеко не все в отношениях с населением двух «царств» складывалось не столь гладко. Так, И. Гофман, посланник императора Священной Римской империи в Ливонию и Россию в 1559–1560 гг., упоминает, что в 1559 г. казанцы восстали в очередной раз против московских властей, не желая платить дань, которой были обложены (Посольство, 1957, с. 138)¹⁰. Еще один имперский посол Августин Майерберг сообщает, что при взятии Астрахани местное татарское население было изгнано из города (Путешествие, 1874, с. 135; ср.: Зайцев, 2006, с. 175–176; Карабущенко, 2009, с. 46). Также иностранцы отметили, что казанские татары заняли в эпоху Смуты выжидательную позицию (Масса, 1937, с. 165, 179) – в отличие от касимовских татар, сыгравших столь значительную роль в действиях как Василия Шуйского, так и Лжедмитрия II (Конрад Буссов, 1998, с. 139–140; Масса, 1937, с. 168), или астраханских, принявших участие в первом ополчении под предводительством Прокопия Ляпунова (Делавиль, 2008, с. 136). Вместе с тем, уже Генрих Штаден в 1570-е гг. констатировал налаживание связей московских наместников в «царствах» с представителями местных татарских элит (Генрих Штаден, 1925, с. 114). Возможно, именно это и предопределило активные действия касимовцев и астраханцев в событиях Смутного времени на стороне различных политических группировок Московского царства.

Сибирское «царство» же в политическом отношении не привлекало внимания западных европейцев, поскольку в то время не входила в сферу их политических и экономических интересов. В глазах большинства европейских современников оно представляло собой обширный, но практически необитаемый регион на границе с «Великой Татарией» (т.е. владениями китайцев, монголов и джунгар), для сохранения контроля над которым московским властям было необходимо строить крепости и содержать значительные войска, что даже не позволяло в полной мере организовать отпор Крымскому ханству (см., напр.: Конрад Буссов, 1998, с. 93; Статистическо-географическое описание, 1836, с. 627; Делавиль, 2008, с. 242). Впрочем, некоторые авторы упоминают, что Сибирь приносила Московскому царству большой доход мехами (Маржерет, 2007, с. 119).

Весьма интересным представляется задействование «татарского фактора» московскими правителями для достижения своих политических целей. Целый ряд западных авторов упоминает о том, что Иван Грозный использовал в качестве одного из поводов для репрессий против представителей московской знати подозрение в сговоре их с крымским ханом с целью свержения царя или даже выдачи его татарам (Послание, 1922, с. 34; Каппелер, Скрынников, 1999 с. 140; Начало и возвышение, 1877, с. 33; Флетчер, 1906, с. 31, 75). Также иностранцы охотно фиксировали слухи о том, что некоторые московские правители с сомнительной легитимностью специально «пугали»

⁹ Планы и действия этого царевича освещены в специальном исследовании (Беляков, Виноградов, 2013).

¹⁰ Правда, исследователи отмечают, что крупного восстания на территории бывшего ханства под этим годом не зафиксировано – по-видимому, речь идет о каком-то региональном мятеже кочевого населения на юге или востоке Казанского «царства» (Посольство, 1957, с. 138, прим. 25).

своих подданных грядущими татарскими набегами, чтобы обеспечить себе их верность и поддержку войск. Такими методами, по сообщениям иностранных современников действовали, в частности, Борис Годунов (якобы, специально приказывавший даже поджигать окраины Москвы и говорить, что это делали татары!) и Василий Шуйский (Конрад Буссов, 1998, с. 126; Масса, 1937, с. 41). Адам Олеарий описывает историю очередного самозванца, претендовавшего на московский престол – некоего Тимошки Анкудинова, выдававшего себя за князя Ивана Шуйского, который для привлечения сторонников, заявлял, что его претензии поддерживает крымский хан, который и подстрекал его идти походом на Москву (Олеарий, 2003, с. 223). А по свидетельству голландца Николааса Витсена, побывавшего в Москве в 1664–1665 гг., патриарх Никон, который как раз в это время находился в опале, связывал именно со своей ссорой с царем Алексеем Михайловичем очередное обострение отношений с Крымским ханством (Витсен, 1996, с. 178).

По мере закрепления российской власти над различными регионами бывшей Золотой Орды существенно менялись отношения московских правителей к татарским «царевичам», пребывавшим на русской службе. Так, если в правление Ивана Грозного и Бориса Годунова иностранцы отмечали высокий статус касимовского «царя» Симеона Бекбулатовича, крымского царевича Мурад-Гирея и др. (Маржерет, 2007, с. 118; Масса, 1937, с. 81–82), то к середине XVII в. необходимость в их использовании как конкурентов татарским государям отпала, и их статус существенно понизился. Так, Адам Олеарий в 1630-е гг. отмечал, что касимовскому хану запрещалось иметь контакты с иностранцами без разрешения и контроля приставленного к нему московскому воеводе (Олеарий, 2003, с. 304–305; см. также: Беляков, 2003, с. 61). Австрийский дипломат Франциск Гундулич, побывавший при дворе царя Алексея Михайловича в 1655 г., отмечал, что потомков прежних ханов в это время сажали на пиру даже не за царский стол, а за стол «королевича» (так он называет царевича Алексея Алексеевича) и что «царевичи сибирский и татарский... не заслуживали даже быть слугами помянутого королевича». Это проявлялось и символически: «Подавая им пить, царь держался следующего порядка: молодому королевичу давал три стакана, сибирскому два, а татарскому один; такой же порядок соблюдался и при подаче им кушаний» (Гундулич, 1869, с. 154).

Подводя итоги нашего исследования, можно сделать вывод, что иностранные современники не видели в отношениях Московского государства и тюрко-татарских ханств XVI–XVII вв. характера державы имперского типа и менее значительных государств. Не выглядит имперской и внутренняя политика России этого периода в недавно присоединенных к ее владениям регионах. Напротив, создается впечатление, что действия московских властей по выстраиванию отношений как с собственными татарскими подданными, так и с соседними тюрко-татарскими государствами носили характер своего рода «импровизации» и предпринимались в зависимости от текущей ситуации и возникающих проблем. Что же, подобное видение российской политики на Востоке в полной мере соответствует представлению, сформированному на анализе и «отечественного» материала – русских хроник, свидетельств современников, актов и правового материала. В самом деле, говорить о целенаправленной имперской политике (т.е. активной деятельности по интеграции тюрко-татарских и иных восточных регионов в российское политико-правовое пространство) можно не ранее, чем с конца XVIII в. До этого же времени Россия в отношении своих тюрко-татарских подданных и партнеров по международной политике действовала в рамках традиционной парадигмы, основы которой во многом закладывались еще в эпоху русско-ордынских отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александр Гваньини. Описание Московии / Пер. с лат., введ. ст., коммент. Г.Г. Козловой. М.: Греко-Латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1997. 173 с.
2. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. / Пер. Ю.В. Готье. М.: Огиз, 1937. 308 с.
3. Беляков А.В. Касимовское царство в системе российских территорий XVI–XVII веков. / Книги по русистике. Вып. XIII.: Московская Русь: специфика развития. Будапешт, 2003. С. 55–62.
4. Беляков А.В., Виноградов А.В. Мурад-Гирей: служилый Чингисид в России или претендент на крымский престол? // Тюркологический сборник. 2011–2012. Политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. М.: Наука – Восточная литература, 2013. С. 11–59.
5. Бережков М.Н. План завоевания Крыма, составленный в царствование государя Алексея Михайловича ученым славянином Юрием Крижаничем. СПб., 1891. 90 с.
6. Боплан Г.Л. де. Описание Украины / Пер. с фр. З.П. Борисюк; ред. пер. А.Л. Хорошкевич, Е.Н. Ющенко. М.: Древлехранилище, 2004. 576 с.

7. Виноградов А.В. Русско-крымские отношения. 50-е – вторая половина 70-х годов XVI века. Т. II. М.: ИРИ РАН, 2007. 342 с.
8. Витсен Н. Путешествие в Московию / Пер. В.Г. Трисман, введ. Р.И. Максимовой, В.Г. Трисман. СПб.: Symposium, 1996. 265 с.
9. Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника / Пер. и вступ. ст. И.И. Половина. Л.: М. и С. Сабашниковы, 1925. 183 с.
10. Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. с нем. А.И. Малеина и А.В. Назаренко; вступ. ст. А.Л. Хорошкевич; под ред. В.Л. Янина. М.: Изд-во Московского ун-та, 1988. 430 с.
11. Главинич С. О происшестввах московских. М.: Императорское общество истории и древностей Российских, 1875. 13 с.
12. Горсей Дж. Записки о России: XVI – начало XVII в. / Пер. и сост. А.А. Севастьяновой. М.: Изд-во МГУ, 1990. 288 с.
13. Груневег М. (о. Венцеслав): духовник Марины Мнишек. Записки о торговой поездке в Москву в 1584–1585 гг. / Сост. А.Л. Хорошкевич. М.: Памятники исторической мысли, 2013. 384 с.
14. Гундулич Ф. Путевой дневник рагузского дворянина Франциска Гундулича, сопровождавшего посольство германского императора Фердинанда III у царю Алексею Михайловичу / Пер. с серб. К. Петковича // Русский вестник. 1869. Т. 83. № 9. С. 140–165
15. Делаویل П. Краткое рассуждение о том, что произошло в Московии со времени царствования Ивана Васильевича, императора, до Василия Ивановича Шуйского. Сочинение Пьера Делавиля де Домбаля. 1611 / Пер. с фр. С.А. Мезина, коммент. Я.Н. Рабиновича // Историографический сборник. Вып. 23. Саратов: СГУ, 2008. С. 124–139.
16. Зайцев И.В. Астраханское ханство / 2-е изд., испр. М.: Восточная литература, 2006. 303 с.
17. Записки де ла Невилля о Московии 1689 г. / Пер. А.И. Браудо // Русская старина. 1891. № 72. С. 241–281.
18. Каппелер А., Скрынников Р.Г. Забытый источник о России эпохи Ивана Грозного // Отечественная история. 1999. № 1. С. 132–144.
19. Карабущенко П.Л. Астраханское царство. Астрахань: Астраханский ун-т, 2009. 281 с.
20. Каррер д'Анкосс Э. Евразийская империя: История Российской империи с 1552 г. до наших дней / Пер. с фр. А. А. Пешкова. М.: РОССПЭН, 2010. 431 с.
21. Конрад Буссов. Московская хроника. 1584–1613 / Хроники Смутного времени. Конрад Буссов. Арсений Елассонский. Элиас Геркман. «Новый летописец». М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 9–162.
22. Крижанич Ю. Политика / Подгот. к печ. В. В. Зеленина; пер. и коммент. А.Л. Гольдберга; под ред. М.Н. Тихомирова. М.: Наука, 1965. 736 с.
23. Маржерет Ж. Состояние Российской империи Ж. Маржерет в документах и исследованиях. М.: Языки славянских культур, 2007. 552 с.
24. Маркевич А.И. Юрий Крижанич и его литературная деятельность. Историко-литературный очерк. Варшава, 1876. 225 с.
25. Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. / Пер. А. Морозова. М.: Госсозэкиз, 1937. 208 с.
26. Мединский В.Р. Проблемы объективности в освещении российской истории второй половины XV–XVII вв. Автореф. ... докт. ист. наук. М., 2011. 45 с.
27. Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян / Пер. В.И. Матузовой; отв. ред. А.Л. Хорошкевич. М.: Изд-во МГУ, 1994. 151 с.
28. Московия Джона Мильтона. М.: Императорское общество истории и древностей Российских, 1875. XXIV + 83 с.
29. Начало и возвышение Московии. Сочинение Даниила Принца из Бухова / Пер. с лат. И.А. Тихомирова. М.: Императорское общество истории и древностей Российских, 1877. III + 73 с.
30. Олеарий А. Описание путешествия в Московию / Пер. с нем. А.М. Ловягина. Смоленск: Русич, 2003. 480 с.
31. Описание Московии при реляциях гр. Карлейля // Историческая библиотека. Т. 5. 1879. С. 1–46.
32. Описание Чёрного моря и Татарии, составил доминиканец Эмиддио Дортелли Д'Асколи, префект Каффы, Татарии и проч. 1634 / Пер. Н. Пименова // Записки Императорского Одесского общества Истории и Древностей. Т. XXIV. 1902. Отд. II. С. 89–180.
33. Петров К.В. Приказная система управления в России в конце XV–XVII вв. Формирование, эволюция и нормативно-правовое обеспечение деятельности. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2005. 144 с.
34. Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе / Пер. М.Г. Рогинского // Русский исторический журнал. Кн. 8. 1922. С. 19–59.
35. Посольство И. Гофмана в Ливонию и Русское государство в 1559–1560 гг. // Исторический архив. 1957. № 6. С. 131–142.
36. Посольство Кунраада Фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу. СПб., 1900. CLXXVI + 650 с.

37. Почекаев Р.Ю. Дары или дань? К вопросу о «золотоордынском наследии» в отношениях Московского государства с тюрко-татарскими ханствами // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 4. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2012. С. 200–203.

38. Почекаев Р.Ю. Сообщения о монгольском нашествии на Русь в некоторых зарубежных источниках: к вопросу о преобладании стереотипов и мифов над фактами // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». 17 марта 2009 г. Сб. статей. Вып. 1. Казань: Фэн, 2009. С. 270–276.

39. Путешествие в Московию барона Августина Майерберга и Горация Вильгельма Кальвуччи, посланца императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу в 1661 году / Пер. лат. А.Н. Шемякина; пред. О. М. Бодянского. М.: Императорское общество истории и древностей Российских, 1874. VII + 216 + XXVIII с.

40. Рахимзянов Б.Р. Друг, брат, отец: Персональные связи московского правителя с татарской элитой в конце XV – начале XVI вв. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в средние века и раннее новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде / Танненберге): Материалы международной научной конференции, 22–24 октября 2010 г. СПб.: Любавич, 2010. С.259–263.

41. Рахимзянов Б.Р. Наследие Золотой Орды в формировании Российского государства // Cahiers du monde russe. 2005. № 46/1–2. P. 29–38.

42. Рахимзянов Б.Р. Показатели антагонизма и неравноправия между Москвой и татарским миром // Средневековые тюрко-татарские государства. 2014. № 6. С. 119–121.

43. Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии / Пер. с лат. А.И. Станкевича // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1905. Кн. 3. II. Материалы иностранные. С. I–X + 1–128; 1906. Кн. 3. III. Материалы иностранные. С. 129–228.

44. Сказания князя Курбского / 3-е изд., испр. и доп. СПб., 1868. XLIV + 460 с.

45. Статистическо-географическое описание российского государства в начале XVII столетия / Пер. Н. Руднева // Журнал министерства народного просвещения. 1836. № 9. Отд. II. С. 602–631.

46. Флетчер Дж. О государстве Русском, или Образ правления русского царя, обыкновенно называемого царем Московским. С описанием нравов и обычаев жителей этой страны. СПб.: Изд.А.С. Суворина, 1906. XXII + 138 с.

Р.Ю. Почекаев

ХVI–ХVII ГАСЫР ЧИТ ИЛ ЗАМАНДАШЛАРЫ КҮЗЛЕГЕННӘН МӘСКӘУ ДӘҮЛӘТЕ ҺӘМ ТӨРКИ-ТАТАР ХАНЛЫКЛАРЫ АРАСЫНДАГЫ СӘЯСИ-ХОКУКЫЙ МӨНӘСӘБӘТЛӘРНЕҢ ҮЗЕНЧӨЛЕКЛӘРЕ

Мәкаләдә чит ил замандашлары тарафыннан (Көнчыгыш Европа) XVI–XVII гасырлардагы Мәскәү дәүләте һәм төрки-татар ханлыклары арасындагы сәяси-хокукий мөнәсәбәтләргә бирелгән күзәтүләргә бәйләп омтылышы ясала. Бу чорда күпсанлы чит ил дипломатлары, сәүдәгәрләре һәм авантюристлары Мәскәү дәүләтендә һәм күрше илләрдә булалар, алар белән шулай ук бу якларда булмаган галимнәр дә кызыксынган. Европалыларны Алтын Урда таркалганнан соң Мәскәү дәүләтенң статусы, аңа элекке Алтын Урда биләмәләрендә барлыкка килгән дәүләтләргә кушу сәбәпләре һәм аның барышы, теге яки бу төрки-татар дәүләтләренң Алтын Урда мирасына дөгъвалары, боларның Мәскәү һәм төрки-татар ханлыклары арасындагы мөнәсәбәтләрдә чагылышы кызыксындырган. Чит ил кешеләре Мәскәү-татар мөнәсәбәтләренң өйрәнелә торган чорда фәкать хәрби конфликларга кына кайтып калмаганын, ә комплеклы булып, үз эченә дипломатик, сәүдә, вакыт-вакыт союздаш мөнәсәбәтләргә алганын аңлаганнар. Моңардан тыш, чит ил замандашлары Мәскәү дәүләтенң эчке сәясәтендә «татар фактор»ы булуын, ягъни буйсындырылган татар «патшалыклары» жирләрендәгә сәясәтен, татарларны хәрби хезмәткә тарту сәясәтен, Мәскәү патша сараенда татар «патша улларына» карашны, рус һәм татар аксөякләре арасындагы мөнәсәбәтләргә исәпкә алганнар. Чит ил кешеләренң Мәскәү дәүләте һәм төрки-татар ханлыклары арасындагы сәяси-хокукий мөнәсәбәтләр турындагы мәгълүматлары бер үк дәрәжәдә тулы һәм объектив түгел, бу алар язмаларының максатлары һәм бурычлары төрле булу белән аңлатыла. Ләкин иң «ангажирланган» текстлар да Көнчыш Европаның элекке Алтын Урда жирләрендәгә мөнәсәбәтләргә кабул итүдә күзаллау булдыру ягыннан кызыклы һәм әһәмияткә ия.

Ачык сүзләр: Мәскәү дәүләте, Алтын Урда, төрки-татар дәүләтләре, Казан ханлыгы, Әстерхан ханлыгы, Себер ханлыгы, Кырым ханлыгы, Нугай Урдасы, сәяси-хокукий мөнәсәбәтләр, чит ил кешеләре Россия турында.

R.Yu. Pochekaev

**SPECIFIC FEATURES OF POLITICAL AND LEGAL RELATION
OF THE MOSCOW STATE AND TURKIC-TATAR STATES OF THE 16TH–17TH CC.
ACCORDING TO THE FOREIGN CONTEMPORARIES**

An article is an attempt to characterize the views of foreign (Western European) contemporaries on political and legal relations of the Moscow State and Turkic-Tatar khanates in the 16th–17th cc. During this time a lot of European diplomats, travelers, merchants and adventures visited Moscow and contiguous countries, also foreign scientists had great interest for this region although didn't visit it, in fact. Europeans were interested in status of the Moscow state after the fall of the Golden Horde, reasons and process of joining the post-Horde states, claims of one or another Turkic-Tatar state for the Golden Horde legacy and, correspondingly, their reflection in its relations with Moscow. Foreigners, of course, were aware of complex nature of Moscow-Tatar relations which were not limited only by military conflicts: there were diplomacy, trade and, from time to time, even alliances. Besides, foreign contemporaries kept in mind so-called «Tatar factor» of the Moscow internal affairs: policy toward joined Tatar «tsardoms», attraction of Tatars for the military service, attitude toward Tatar «princes» at the tsar's court, contacts of the Russian and Tatar aristocracy. Information of foreigners on the Moscow-Tatar political and legal relations not always enough complete and trustworthy, but, anyway it's of great value because allows to form an idea on European concept of situation on the post-Horde area.

Keywords: Moscow State, Golden Horde, Turkic-Tatar states, Kazan Khanate, Astrakhan Khanate, Siberian Khanate, Crimean Khanate, Nogay Horde, political and legal relations, foreigners on Russia.

Сведения об авторе:

Роман Юлианович Почекаев – профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург); E-mail: ropot@mail.ru

Почекаев Роман Юлиан улы – профессор, «Икътисад югары мәктәбе» милли тикшеренү университеты Санкт-Петербург филиалының хокук һәм дөләт теориясе һәм тарихы кафедрасы мөдире, юридик фәннәр кандидаты, доцент (Санкт-Петербург шәһәре).

Roman Yulianovich Pochekaev – professor, head of Department of theory and history of law and state of the National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg, candidate in law (Ph.D.), associate professor (St. Petersburg).